

ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ

ЧЕТВЕРГЪ, 19 ІЮЛЯ 1934
JEUDI, 19 JUILLET 1934

НОМЕРЪ
ВО ФРАНЦІИ **50** cent.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ П. Н. МИЛЮКОВА
Quotidien Russe "LES DERNIERES NOUVELLES" Directeur P. N. MILIOUKOV

LE NUMERO
EN FRANCE **50** cent.

ЧЕТВЕРГЪ, 19 ІЮЛЯ 1934
JEUDI, 19 JUILLET 1934

№ 4865

15^e
ANNEE
199

ABONNEMENT AUX «DERNIERES NOUVELLES»
(Partant du 1er et 15 de chaque mois)
ПОДПИСНОЙ ЦѢНА НА „ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ“
(съ 1-го и 15-го числа каждого мѣсяца)

	1 мѣс.	3 мѣс.	6 мѣс.	1 годъ
Во Франціи . . . France	14	40	75	145
За-границей . . . Etranger	25	70	135	265
Перемѣна адреса — 1 фр. — Changement d'adresse — 1 fr.				

Подписки принимаются въ Конторѣ газеты
и въ слѣдующихъ, а также новыхъ пошт.
отдѣленіяхъ.
Цѣна въ Парижѣ и провинціи — 50 сантим.
За-границей — 80 сантим.
Пріемъ объявленій въ Конторѣ газеты.

ADRESSE DE LA REDACTION ET DE L'ADMINISTRATION

Адресъ Конторы и Редакціи
51, Rue de Turbigo, 51 — Paris III (Métro: Arts et Métiers)

On s'abonne aux Bureaux du Journal
et dans tous les Bureaux de Poste
au numéro Paris et Départements — 50 c.
Provinces — 80 cent.
Annexes : aux Bureaux du Journal

Телефонъ редакціи TURBIGO 81-52
" конторы ARCHIVES 85-00
" отд. объявленій. TURBIGO 81-20 ; 51-21

Ночной телефонъ редакціи (послѣ 9 час. вечера):

PROVENCE 78-17

Телеграфный адресъ Adresse télégraphique
DERNOUVED PARIS 03

№ 4865

15-й ГОДЪ
ИЗДАНІЯ
199

О Чеховѣ

Есть что-то явно нелѣпое въ установлении іерархіи писателей по степени гениальности или талантности. Такой-то первый, такой-то второй, такой-то третій, этотъ «выше», тотъ чуть-чуть «ниже»... Будто солдаты въ строю. Но человѣку такъ свойственна склонность къ измѣреніямъ и сравненіямъ, что и сознавая иногда бессмысленность ихъ, онъ не можетъ отъ этой привычки отдѣлаться.

Прочтя на-дняхъ въ замѣткѣ Ремизова, что мѣсто Чехова въ третьемъ ряду русскихъ писателей, я сразу подумалъ: «что же, — это вѣрно». Первый рядъ у Ремизова безспоренъ: Толстой, Гоголь, Достоевскій. Второй онъ отводитъ Лѣскову и писателямъ его уровня. Тутъ поспорить хотѣлось бы, но вопросъ о Лѣсковѣ въ наше время такъ странно запутанъ, и значеніе этого писателя такъ дружно преувеличено, что нѣсколькими словами не отдѣлаешься. Я бы до Лѣскова назвалъ, по крайней мѣрѣ, пять или шесть именъ, съ Тургеневымъ и Писемскимъ во главѣ... Но рѣчь сейчасъ не о немъ, а о Чеховѣ. Ремизовъ приблизительно правильно, на мой взглядъ, опредѣляетъ размѣры чеховскаго дарованія. Если Андрея Моруа, на примѣръ, и сомнѣвается, не назвать ли Чехова «величайшимъ русскимъ писателемъ», то Европа намъ въ нашихъ русскихъ дѣлахъ — не указъ. Съ Чеховымъ въ Европѣ произошло какое-то недоразумѣніе, — родственное недоразумѣнію съ Мопассаномъ, котораго такъ высоко оцѣнила Россія и лишь наполовину признала родина.

Но дѣло не такъ просто, какъ кажется. Невѣрно было бы сказать, что у Чехова среди русскихъ читателей столько же «поклонниковъ», сколько у Толстого или Достоевскаго. Нѣтъ, — не то слово. Однако, любить Чехова не меньше... Именно въ этомъ разгадка особаго отношенія къ нему. Никто, — или почти никто, — не обольщается насчетъ того, что Чеховъ, все таки, не совсѣмъ первоклассный художникъ, точнее — не перворазрядная творческая индивидуальность. Но влеченіе къ нему сразу

было огромное, — и оно не слабѣетъ до сихъ поръ.

Чеховъ есть, конечно, самый сердечный изъ нашихъ писателей: вотъ въ чемъ секретъ его обаянія. Какъ это, на первый взглядъ, ни странно, русская литература, при всей своей прославленной духовности, никогда не была литературой доброй, — въ смыслѣ подлиннаго проникновенія человѣколюбіемъ, а не только витанія и круженія вокругъ этого чувства. Не была, во всякомъ случаѣ, — на верхахъ своихъ. Правда, Гоголь написалъ «Шинель». Но только при знакомствѣ съ Гоголемъ по гимназическимъ учебникамъ можно повѣрить, что онъ, дѣйствительно, кого-то любилъ, о комъ-то болѣлъ, кого-то жалѣлъ. Гоголь фантастически-сложное явленіе, писатель, который уже, по самой своей психической необычности, не способенъ полностью раздѣлить простыя человѣческія эмоціи. Человѣку съ Гоголемъ жутко, въ концѣ концовъ человѣку съ Гоголемъ — не по себѣ. Гоголь менѣе всего «другъ» въ литературѣ: ему нельзя вѣрить, на него нельзя разчитывать... Достоевскій создалъ Сонечку Мармеладову, князя Мышкина, Алешу, униженныхъ, оскорбленныхъ. Да, разумѣется, — тутъ много любви. Но любовь эта какая-то припадочная, спазматическая, тревожная, подчеркнуто-жертвенная, отчасти какъ будто возникающая въ борьбѣ съ собственной своей свирѣпѣйшей жестокостью, — любовь мутная и непрочная. Любовь, разражающаяся рыданіями, отъ силы которыхъ содрогается весь міръ, — но упоенная сама собой, высокомерная, невнимательная и способная внезапно обернуться коварствомъ, хвастовствомъ, глумомъ и презрѣніемъ: нельзя же, все таки, забыть, что одновременно съ «Идиотомъ» и «Карамазовыми» Достоевскій писалъ «Дневникъ писателя», съ нѣкоторыми его ужасными, непонятными страницами... Толстой ровнѣе. Но если Толстому чего либо не хватало, то именно чувства (это особенно замѣтно въ его нравоучительныхъ писаніяхъ). Толстой заставлялъ, понуждалъ себя

быть такимъ, какимъ ему быть хотѣлось, — но природы не передѣлаешь. Въ удивительныхъ запискахъ Александры Львовны есть два-три свидѣтельства, что онъ самъ это сознавалъ, — и безпомощно огорчался этому. Подъ самую старость, ослабѣвъ, измаявшись, онъ сталъ какъ-то мягче: сталъ, на примѣръ, часто плакать, — надъ книгой или при какомъ-нибудь воспоминаніи... Но человѣка надо судить въ расцвѣтѣ. Толстой въ расцвѣтѣ своемъ грозенъ и суровъ, зорокъ и безпощаденъ. Остается Тургеневъ. Но тутъ — грусть, холодъ, одиночество, ясный и трезвый умъ, чуть-чуть тронутый брезгливостью. Тутъ отсутствіе дара любви очевиднѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

И вотъ пришелъ Чеховъ. Какъ это сказано въ псалмахъ, у царя Давида? «Трости надломленной не переломить, льна курящагося не угасить...» Да, Чеховъ именно въ этой линіи, онъ весь въ линіи сочувствія, тишины, пониманія, дружбы, помощи, жалости, — жалости, о которой съ такимъ издѣвательствомъ, противорѣча самъ себѣ, говоритъ гдѣ-то Достоевскій. Русская литература до Чехова только намѣревалась такъ подойти къ человѣку, и все ей мѣшали какіе-то высокіе споры съ судьбой и Богомъ, какіе-то далекіе замыслы и надежды. Чеховъ, конечно, мельче своихъ предшественниковъ, — но съ человѣкомъ онъ остался наединѣ, безъ неба и безъ всякихъ «небесныхъ», заоблачныхъ порывовъ, — и впервые онъ какъ бы пожалъ ему руку, ничему его не уча, ничѣмъ не терзая. Притомъ, Чеховъ наединѣ съ человѣкомъ, — который былъ для него не «представителемъ эпохи», и не случайной ставкой въ какой-то страшной, божески-дьявольской игрѣ, а именно человѣкомъ, неповторимымъ въ своей скромной единственности Ивановымъ, — Чеховъ больше въ немъ подсмотрѣлъ и понялъ, чѣмъ кто бы то ни было, тоньше, внимательнѣе и точнѣе о немъ разсказалъ. И читатели не ошиблись: они сразу почувствовали, что такого писателя въ Россіи еще не было, — и они поспѣшили поблагодарить его, отвѣтить почти безпримѣрной привязанностью и преданностью. О, насколько же Чеховъ о своихъ «хмурыхъ людяхъ» разсказалъ сердечнѣе и правдивѣе, чѣмъ Достоевскій о своей Со-

нечкѣ, съ ея дергающимися плечиками въ драдемамовомъ платкѣ. Тише, глуше, блѣднѣе, тусклѣе, — но именно сердечнѣе и правдивѣе. Сонечку Достоевскій выдумалъ, и реальная какая-нибудь Сонечка только наполовину вѣрить ему, читая его разсказъ, потому что она не знаетъ, какъ бы отнесся онъ къ ней, настоящей, не столь ангелоподобной и романтической. Чеховъ же взялъ вѣрную ноту, самую вѣрную и чистую въ русской литературѣ, такую же вѣрную, какъ Толстой, но, притомъ, звенящую и лирическую... «Мы отдохнемъ, мы увидимъ все небо въ алмазахъ». Тутъ, въ этихъ словахъ, онъ выдаетъ самого себя: это слишкомъ откровенно, это чувствительно съ налетомъ назойливости, — и потому не совсѣмъ хорошо. Но иначе о томъ же самомъ онъ пишетъ всегда. Міръ, какъ будто, обанкротился. Смысла въ немъ ищутъ только старые упрямцы, — или сумасшедшіе. Надежды нѣтъ. Правда, полковникъ Вершининъ твердитъ, что лѣтъ черезъ двѣсти-триста земля превратится въ цвѣтущій садъ, — но это больше такъ, для краснаго словца. Да и не все ли равно, что будетъ черезъ триста лѣтъ? Человѣкъ очень несчастенъ. Надо начистоту ему сказать, что онъ несчастенъ, — и надо постараться его утѣшить. Первое изъ двухъ «надо» Чехову удалось гораздо лучше, чѣмъ второе. Но его полюбили и за это.

Чеховъ тѣсно связанъ съ Россіей и ея исторіей. Онъ могъ бы оказаться осужденнымъ остаться навсегда «провинціально-русскимъ» писателемъ или «пѣвцомъ девяностыхъ годовъ», — если бы не одна особенность. Эта-то особенность, вѣроятно, и позволила ему получить всеевропейское признаніе.

Дѣло въ томъ, что въ его время исторія какъ будто остановилась. Чеховъ послушно исполнялъ ея «заказъ», готовъ былъ исполнять, по крайней мѣрѣ, — но исторія ничего не приказывала. Традиціи оборвались. Исторія оставляла писателя свободнымъ, — и не случайно это время было въ Россіи названо «безвременьемъ». Годы смѣнялись годами, — но у времени не было содержанія, — и, конечно, уловивъ это, Чеховъ доказалъ, что его историческій

слухъ и чутье были гораздо тоньше, чѣмъ у тѣхъ, кто его упрекалъ въ беззаботности. Исторія отняла у Чехова возможность заниматься ею, она властно оставила его «наединѣ съ человѣкомъ». Быть «пѣвцомъ девяностыхъ годовъ» и значило — писать о томъ, что тантся подъ историческими процессами, о томъ, что еще существуетъ и живетъ, когда процесса уже нѣтъ... Не будь это такъ, Чеховъ, вѣроятно, сильно бы увялъ и, во всякомъ случаѣ, не получилъ бы полнаго доступа въ сознанія, которыя Россія не знала. А благодаря этому онъ свободенъ отъ роковой печати эпохи и даже среды: у него подъ руками оказался какъ бы вѣчный матеріалъ, — т. е. человѣческая душа, предоставленная самой себѣ и вездѣ съ полуслова знакомая, съ полуслова понятная.

Кстати: «безвременіе» помогло Чехову стать едва ли не утонченнѣйшимъ изъ русскихъ писателей... Не въ томъ смыслѣ, конечно, какъ первоначально понималась «утонченность» въ кругахъ декадентско-символическихъ: не въ смыслѣ культивированія какихъ либо рѣдкихъ, мгновенно-исчезающихъ чувствъ и сомнительныхъ, псевдо-нигилистическихъ красотъ. Нѣтъ, Чеховъ былъ слишкомъ замкнутъ и правдивъ, чтобы ими увлечься, — и, недаромъ, онъ называлъ первыхъ декадентовъ «здоровыми мужиками». Но остроту зрѣнія, быстроту творческой отзывчивости онъ развилъ сильнѣе всѣхъ своихъ собратьевъ. Сейчасъ, на разстояніи нѣсколькихъ десятилѣтій, особенно ясно, насколько «декадентство», не безъ высокомерія третировавшее Чехова, было грубѣе его, и какой это былъ шагъ назадъ въ отраженіи единственнаго предмета искусства — человѣческой души. Сколько было баловства, литературщины и ребяческой непосѣдливости во всяческихъ «стихахъ», въ бросовскихъ дерзаніяхъ, въ солугубовскихъ снахъ, послѣ бѣдной и прекрасно-безцвѣтной прозы Чехова, на которую наши модернисты-европейцы проглядывали, какъ на уѣздную барышню, хоть и прелестную, но рѣшительно не слѣдующую за парижской модой. Кто прогадалъ, кто, въ концѣ концовъ, отсталъ и отпалъ раньше? Именно тѣ, которые считали себя передовыми изъ передовыхъ.

Вообще русскіе девятностые годы — чеховское безвременіе — заслуживаютъ переоцѣнки. Если не въ общественно-культурномъ отношеніи, то, во всякомъ случаѣ, въ отношеніи литературномъ и обще-художественномъ... Это были годы малокровья, годы какой-то долгой, глубокой задумчивости, — ровная полоса между двумя волнами. Раскроемъ журналы того времени: все сѣровато. Прочтемъ стихи того времени: все монотонно и сдержанно. Но самое истинное слово и красота, самая хрупкость ткани искусства тѣхъ лѣтъ содѣйствуютъ проникновенію свѣта въ него. Иногда слабые, вялые, до-бальмонтовскіе стихи именно свѣтятся, — и послѣ нихъ унылыми и мертвыми кажутся «роскошные» вдохновенія, печатавшіяся въ «Вѣскахъ» или «Аполлонѣ». Это чувствуется во всемъ ароматѣ той эпохи, порой еще до насъ долетающемъ, — то въ какой-нибудь случайно уцѣлѣвшей иллюстраціи, то въ семейной фотографіи, то въ письмѣ или воспоминаніи. Это явственно чувствуется въ музыкѣ, — особенно у Чайковского. Впечатлѣніе въ точности соответствуетъ впечатлѣнію, оставляемому Чеховымъ: насколько все то, что за Чайковскимъ послѣдовало, душевно — грубѣе его!.. Подчеркиваю, что я не касаюсь вопросовъ музыкальной техники, выразительности или мастерства, а только пытаюсь перевести на единый, нѣмой языкъ сознанія то, о чемъ Чайковский разсказываетъ въ звукахъ, — и повторю: насколько онъ тоньше, насколько утонченнѣе всѣхъ своихъ преемниковъ! Девятностые годы — сплошь въ черныхъ и бѣлыхъ тонахъ. Шумъ жизни въ нихъ почти останавливается, пульсъ слабѣетъ. Но какъ въ минуту опасности человѣкъ серьезенъ, — такъ серьезны и чисты они...

Перечитывая и перелистывая старыя книги, думаю, сравнивая и припоминая, начинаешь мало-по-малу уяснять себѣ, что такое Чеховъ, и почему надъ нимъ безсилъ «десятилѣтній гибельный полетъ». Начинаешь понимать, почему писатель изъ «третьяго ряда» можетъ быть такъ же дорогъ людямъ, какъ и тѣ, кому, по справедливому приговору, отведены первыя мѣста.

Георгій Адамовичъ.